ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2015 № 3 (142)

СОДЕРЖАНИЕ

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Кантор Ю. З. Отражение событий Великой Отечественной войны в музеях РСФСР в 1941–1945 гг. 8

Соловьева В. В. Стратегии адаптации работников промышленных предприятий Урала к бытовым условиям военного времени (1941–1945) 23

Чевардин А. В. Польские военные формирования в СССР и отношение к ним граждан Польши в годы Второй мировой войны 36

Михайлова М. А., Снигирева Т. А. Военные мемуары на страницах «Нового мира» эпохи А. Твардовского 41

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Лимерова В. А. Рецепция русского пространства в тексте коми литературы: путевые заметки Г. С. Лыткина «Тотьма» 49

Кубасов А. В. Гендерная проблема в народническом изводе: Ф. М. Решетников и А. И. Левитов 59

Граматчикова Н. Б. Финно-угорское население Севера России: взгляд русского этнографа (по материалам очерков С. В. Максимова «Год на Севере») 69

Зырянов О. В. На перекрестке национально-культурных традиций: русский человек в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка 83

Созина Е. К. Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Весенние грозы» в литературном контексте 98

Коноплева Е. А. Возвращение блудной дочери: рецепция пушкинского сюжета в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка («В горах», «Беззаветная любовь») 110

Подлубнова Ю. С. Поэтика трансформаций в современной поэзии Урала 117

ТВОРЦЫ УРАЛЬСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Пирогова Е. П. Новый источник изучения имущественного положения уральского заводчика А. Ф. Турчанинова: аналитический обзор описи 1789 г. 129

Чудинов А. В. Опыт родословной А. О. Жонес-Спонвиля, главноуправляющего Демидовских заводов 144

Павлюкова Н. А. Три портрета Н. А. Демидова кисти французского живописца Л. Токке: к вопросу о социально-культурном облике заводовладельца 154

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ШЕКСПИРОВЕДЕНИЯ

Кузьмичев А. И. Некоторые особенности английского шекспировского романтического канона 164

Шестакова Н. Ф. Уильям Шекспир и Уэльс 171

ИСТОРИЯ

Делицой А. И. Производственный статус инженерно-технических работников Урала в середине 1920-х гг. 179

Михеев М. В. Территориально-экономические проблемы развития Урала в позднесталинский период (вопросы историографии) 190

Мамин-Сибиряк Д. Н. В глуши. М., 1898. [Mamin-Sibirjak D. N. V glushi. M., 1898.]
Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. Т. 11. Пг., 1917. [Mamin-Sibirjak D. N. Poln. sobr. soch. : v 12 t. T. 11. Pg., 1917.]
Островский А. Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. Т. 4. М., 1975. [Ostrovskij A. N. Poln. sobr. soch. : v 12 t. T. 4. M., 1975.]

Статья поступила в редакцию 23.06.2015 г.

УДК 821.161.1-1 + 82’06

Ю. С. Подлубнова

ПОЭТИКА ТРАНСФОРМАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ УРАЛА

В статье обозначена связь разных поколений уральских поэтов через их отношение к поэтическому опыту метареализма и — отчасти — русского авангарда, что манифестируется артикуляцией протеического начала художественного образа, обозначением метаморфозы как структурного элемента стихотворения, трансформациями поэтического текста на разных уровнях. Рассматривается творчество В. Кальпиди, Е. Туренко, А. Санникова, Ю. Казарина, А. Петрушкина, Е. Симоновой и других уральских поэтов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: современная уральская поэзия; поэтика трансформаций; метаморфоза; метареализм; постконцептуализм.

Одной из ключевых проблем, связанных с пониманием современной уральской поэзии как единого поля, является неочевидная преемственность поколений уральских поэтов (нет ключевой фигуры учителя при наличии как минимум нескольких учителей), т. е. та «преемственность», которая, при ином раскладе, могла бы стать серьезным аргументом в пользу существования литературной школы в регионе, о которой столь часто говорится в литературной критике [Уральская школа поэзии]. Тем не менее, радикального отказа от идеи преемственности на Урале не происходит, т. к. при всей своей культурной и художественной неоднородности поэзия региона буквально прошита различного рода связями и изобилует общностями. Это не раз отмечалось исследователями. В частности, наиболее убедительные доказательства приводит Д. Давыдов, который говорит о сочетании мифа и повседневности и выстраивании мифологического пространства в современной уральской поэзии, диалектике брутальности и лирической исповедальности, жесткости лирического высказывания, способной даже создать впечатление цинизма, урбанистической индустриальности образных рядов, сильном суггестивном начале, желании поэтов почти физиологически воздействовать на реципиента [Антология современной уральской поэзии; Уральская школа поэзии].

Одним из эффективных инструментов воздействия на читателя выступают, на наш взгляд, специально манифестированные поэтами Урала акты трансгрессии в отношении моделируемой или ощущаемой материальности,

© Подлубнова Ю. С., 2015

что обеспечивает достаточно высокий уровень объектной и субъектной трансформации в творчестве отдельных авторов. Оговорка про отдельных поэтов не случайна, поскольку творчество далеко не каждого из них отвечает нашим тезисам и догадкам, однако выбранные для исследования поэты, а также их художественные практики весьма показательны для уральской поэзии в целом и в какой-то мере значимы за пределами региона. Более того, выборка делалась таким образом, чтобы ни одно из поколений современных уральских поэтов не осталось вне поля нашего внимания, и таким, не вполне прямым, способом определяется их преемственность, а одновременно намечаются точки расхождения / отталкивания, позволяющие говорить об эволюционных процессах, идущих в уральской поэзии.

В качестве инструмента воздействия на читателя предлагаем рассматривать поэтику трансформаций и, как ее активный элемент, метаморфозу. Под метаморфозой / метаморфозами понимается совокупность художественных приемов, направленных на трансформацию объектов и субъектов, превращение их в иные объекты и субъекты, а также сами процессы их перерождения, преобразования, трансмутации. Согласно В. В. Иванову, метаморфоза как философская и культурная категория тесно связана с мифологическим мышлением и магической картиной мира [Иванов], что в нашем контексте соотносится с утверждением Д. Давыдова о дискретном мифологическом пространстве современной уральской поэзии.

В «Новой философской энциклопедии» под редакцией В. С. Степина отмечается: «В мифологическом мышлении метаморфоза выражала всеобщую изменчивость вещей и их единство во взаимопревращениях. <...> Смысловая специфика метаморфозы заключается прежде всего в выражении неизменного через меняющееся, в передаче единого в своей основе явления через многообразие его превращающихся форм» [Новая философская энциклопедия]. Метаморфоза, таким образом, одновременно и проявление хаоса, и попытка его преодоления через постулирование константности самого процесса перерождения, превращения одного в другое. Миромоделирующий, сюжетообразующий и образоформирующий потенциал метаморфоз высок, что не раз было доказано в литературе и, в частности, в поэзии — от Овидия до постконструктивистов.

Насколько метаморфозы как элемент поэтики присущи именно современной уральской поэзии? Думается, настолько, насколько они характерны для всей русскоязычной словесности. Неизбежно вспоминаются Ксения Некрасова — ее «озеро с отбитыми краями» и другие «уподобления» и совмещения признаков разных предметов, или стихо-визуальные эксперименты Ры Никоновой. Высокий уровень трансформированности и трансформативности различного рода элементов нередко позволяет констатировать прямую связь поэтики преобразований, построенной на метаморфозах, и авангардности в ее художественном и историко-литературном смыслах. В таком случае распространенное утверждение о «лирическом авангардизме» современной уральской поэзии вполне верифицируется, что, впрочем, вовсе не означает, что «лирический авангардизм» — прерогатива и отличительная особенность исключительно Урала.

Между тем, когда в критическом дискурсе заходит речь о «лирическом авангардизме», в качестве образца приводится творчество вовсе не Ксении Некрасовой или Ры Никоновой, а поэтов иных поколений, например, так называемых «старших», которые определяются как поколение уральского андеграунда [см.: Сидякина], творчески сформировавшееся вне канонов советской поэзии. В контексте разговора о поэтике трансформаций принципиально важно, что зачастую в их творчестве присутствуют неомодернистские коды метареализма. Так, в энциклопедии «Уральская поэтическая школа» маркеры, связанные с метаметафоризмом / метареализмом, находим в справках о Ю. Беликове, В. Дрожащих, В. Лаврентьеве, В. Кальпиди, Е. Касимове, Ю. Казарине, А. Санникове, Е. Туренко и других «старших», которые были дружны с А. Еременко, А. Парщиковым, И. Ждановым.

Если понимать метареализм так, как определяет его М. Эпштейн, т. е. как «реализм многих реальностей, связанных непрерывностью метаболических превращений», концепция действительности, состоящей из цепочек метаморфоз (когда «вещи перешагивают сами себя»), определяет теоретические построения метарелистов. «Метареальный образ не просто отражает одну из этих реальностей (зеркальный реализм), не просто сравнивает, уподобляет (метафоризм), не просто отсылает от одной к другой посредством намеков, иносказаний (символизм), но раскрывает их подлинную сопричастность, взаимопревращение — достоверность и неминуемость чуда» [Эпштейн]. Разумеется, подобного рода образы не являются открытием группы поэтов 1970–1980-х гг., не случайно тексты метареалистов на практике демонстрируют знакомство с поэзией О. Мандельштама, Н. Заболоцкого, Б. Пастернака, И. Бродского и других авторов сложных ассоциативных и метафорических рядов, однако, в отличие от предшественников, метаметафористы принципиально были нацелены на создание реальности, состоящей из непрерывного процесса преобразований, трансформации предметов и смыслов, реальной именно своими трансформациями. Система тропов, смысловых смещений была в их творчестве предельно разветвленной и, порой, самоценной.

Степень влияния метареалистов на уральских поэтов велика, хотя, безусловно, в каждом персональном случае она разная. Авторы, как правило, осознанно находились в точке пересечения нескольких традиций (вспоминается мощное влияние А. Вознесенского на пермяков), но можно сказать, что легкость, с которой метареалисты преобразовывали реальность в реальность преобразований, была на Урале запомнена, как востребованной оказалась и идея об особом ракурсе видения поэта, который возможен за счет смещения стереотипного зрения и трансформаций объектов и субъектов.

> Попытка пользовать язык в «изысканном» виде — это литература. Сочинять конструкции, где форма мастурбирует наперегонки с содержанием, — ужасно смешно и даже весело. Относиться к этому чрезмерно серьезно стоит только в том случае, если ты хочешь убить в себе ощущение реальности. Что тоже любопытно (В. Кальпиди) [Язык наш свободен].

Творчество «старших» поэтов демонстрирует, как минимум, две стратегии применения метаморфоз в художественных текстах, и, по сути, определяет разные отношения к практикам метареализма.

Первая стратегия — умеренные и взвешенные трансформации объектов / субъектов, не становящиеся системой. Часто в этом случае востребованы приемы олицетворения, персонификации или, наоборот, натюрмортизации, плюс микшируются признаки живого и неживого.

На рельсах прорастает шерсть.
За горизонтом ходят пули,
как за стеной. Страница 6
— страница 7. (Перевернули.)

Как бы кивающий сквозняк
свои разглядывает ногти,
не подымая глаз. Здесь так
так страшно, что позывы к рвоте.

[Санников]

Колодец исподлобья как труба
подзорная, где сорвана резьба,
где видишь, как, сомкнувшись,
отмерцали
два острия Господней вертикали,
и близится, как воздух из метро,
безумных взглядов полное ведро.

[Казарин]

Метаморфоза в подобном контексте не столько значима сам по себе, сколько обслуживает общую авторскую интенцию: онтологизацию происходящего. Антропоморфические и обратные им элементы, как бы неестественные в своем симбиозе, выступают здесь как знаки тревожности, указания на дефектность бытия-в-мире, на то, что все идет не так, как должно или как ожидается. Совокупность таких знаков порой создает заведомо абсурдистскую картину:

Оструги вая мыльных птиц,
Сидят подводные татары.
(У них колени, будто фары,
Но жалко, что не видно лиц)

Полупрозрачные отары
Стоят стадами стеклотары.
Господь лежит глазами ниц
С клоками ваты из глазниц.

[Санников]

Однако абсурд в рамках первой стратегии не устойчив и даже — это мы видим и на примере стихотворения Ю. Казарина — управляем, ибо для поэта

всегда открыто движение по вертикали, в то время как предметность — функция горизонтального измерения.

Вторая стратегия «старших» — осознанно системные трансформации реальности и субъекта говорения, создание поэтики трансформаций. Яркие примеры такого рода являет творчество В. Кальпиди. В частности, как и у метаметафористов, пейзаж у В. Кальпиди не существует в виде целостной однородной картины: он распадается на отдельные фрагменты и элементы, живущие по собственной логике, лишь отчасти программируемой автором:

А за городом не лес, а картон,
а зимой из пенопласта поля,
и я знаю, что внутри соловья
механический зашит патефон.

Можно и меня разобрать
или просто расколоть на куски...

[Кальпиди, 1990, с. 120]

Особенностью такого мира становится процессуальность, возникающая за счет моторики множества элементов, своеобразного «броуновского движения» в природе. Как пишет В. В. Абашев, «Кальпиди чрезвычайно динамичен в жанрово-стилевом, образно-пластическом, идейно-тематическом и даже ритмико-интонационном движении, он развивается как бы путем внезапных мутаций, резких динамических сдвигов всей художественной системы, когда происходит ее целостное (вплоть до технических приемов) обновление» [Абашев, с. 355]. Специфика метаморфоз у В. Кальпиди представляется следующим образом: поэт «выводит предмет из его обыденной данности и дает его в медленном развертывании и многочисленных ракурсах, в сложных пространственных трансформациях, проецируя вещь в кодирующие системы мощных культурных, часто мифологических, текстов, выявляющих смысловую структуру наблюдаемого» [Там же, с. 345]. В. Кальпиди выстраивает сложнейшие ассоциативные конструкции, где всякий элемент не равен самому себе, а функционирует в рамках сразу нескольких контекстов, смещая их по отношению друг к другу.

Безусловно, трансформативная активность в творчестве уральского поэта связана с трансгрессивной направленностью постмодерна и его деконструктивистской практикой. В этом смысле В. Кальпиди последовательно деконструирует любую онтологию:

Предсказуемое вплоть
до кофейной ложки
впилось будущее в плоть
прошлому, как кошка.

И стекает время-кровь
из царапин жутких,
и течет, как речка Обь,
к нам по промежуткам.

[Кальпиди, 2001, с. 89]

При этом процессы разрушения и созидания в рамках художественной действительности В. Кальпиди идут параллельно (распредмечивание одного объекта означает опредмечивание другого, и наоборот), выстраиваясь в цепочки метаморфоз, составляющих содержание творческого акта автора-деконструктора и автора-демиурга.

Несомненной крайностью в рамках второй стратегии является творчество Е. Туренко, где распредмечивание достигает предела. Сошлемся на М. Загидуллину, утверждающую, что «поэт не озабочен границей между природным и культурным, естественным и искусственным». «Исключение предметов в их конкретной онтологической внятности из поэтического кругозора вовсе не было самоцелью или, что еще глупее предположить, художественным приемом. Правильнее думать, что мир предметов самих по себе Е. Туренко не воспринимает и в реальной жизни» [Загидуллина, с. 5]. Распредмеченность как состояние довольно статично, однако подобная статика — лишь фон для динамики на ином уровне, уровне субъекта говорения, который у Е. Туренко не является целостным. Субъект говорения распадается на ряд субъектов, вступающих друг с другом в сложные отношения, среди которых имеют место взаимопревращения и трансформации. Как пишет Д. Давыдов, «метафора на метауровне становится формой тотального различания, внутренним диалогом не только субъектов, но и, особенно, различных состояний субъекта» [Давыдов, с. 245].

Диапазон между реалистической предметностью и полным исключением предметов из поля зрения (плюс расщепление этого поля на субполя), зафиксированный в поэтическом опыте «старших», актуален и для последующих поколений уральских поэтов. Так, например, реалистична в деталях Е. Изварина, допускающая нечастые, но точные метафоры:

от конца к началу путешествие с посохом либо веслом
за Камнем,
Руном,
Книгой,
чужой невестой,
собственным сном,
путешествие с арфой и ловчим соколом — звезды сквозь
ребра, каждая медленно забивает гвоздь,

Ты стоишь перед зеркалом юности, разом полон собой и пуст —
чистый лист,
кровеносный куст...

[Изварина]

Метаболические образы нередко появляются в стихах А. Сальникова:

Девочка, девочка, город на колесах
Движется к твоему гробу сквозь снежный дым,
Сквозь шерстяного снега кресты и розы,
Ну и другие красоты, тыгыдым-тыгыдым...

[Сальников, с. 15]

В плане преемственности поколений показательно стихотворение «Венеция» Я. Грантса, посвященное А. Санникову, в котором появляется натуралистическая метаморфоза, для стихов Я. Грантса в целом не характерная:

ушла вода из венеции.
гондольеры не могут поверить.
днами каналов ходят.
переглядываются.
молчат.
карябают веслами щебенку.
смотрят на перепонки между пальцами.
вода ушла.
перепонки не торопятся уходить

[Грантс, с. 14]

Отдельные метафоры и метаболы встречаются в текстах С. Ивкина, Е. Гришаевой, А. Кудрякова, К. Комарова, Я. Широковой и других поэтов «младших» поколений.

Вторая стратегия — когда трансформации становятся системным фактором — также востребована «младшими». Довольно последовательно мотив развоплощения, сопровождаемый метареалистическими смещениями, напоминающими те, что встречаются в поэзии В. Кальпиди, Е. Туренко, А. Санникова, реализуется в творчестве А. Петрушкина. Так, например, «путешествие в Тагил» (сквозной сюжет стихотворений последних лет) аранжируется полилогом с небытием, участниками которого являются структуры, объективирующиеся порой в виде случайного лирического «я», готового к трансформации в «не я», в «мы» и неожиданного собеседника, могущего точно так же трансформироваться или расщепиться в Бога и ангелов, обозначающих метафизическое со-стояние на грани жизни и смерти, а также других персонажей. В такой системе расщеплений и сцеплений внутреннее, присущее сознанию, и внешнее, ему не присущее, оказываются недискретны, слиты в единый процесс одновременного переживания и сотворения мира:

пусть ходит бог в моих калошах
пока в аорте смерть сидит
в травинке между губ сжимая
заученный нелепый стыд

на языке холодном с нами
с миассом говорящий цвирк
под низким нёбом медвежачий
неповоротливый как цирк

он едет небом трехколесным
чтобы прочесть все словари
здесь ходит бог в моих калошах
и смотрит на меня внутри.

[Петрушкин, с. 14]

Внутреннее и внешнее, свет и тьма, живое и неживое взаимопревращаются, трансформируют друг друга до ситуации неразличения. Складывается ощущение, что автор специально ломает вещь, чтобы прикоснуться к небытию, но, пока он ее ломает, вещь подменяют, так что внутри бабочки оказывается человеческое мясо, а внутри щенка — дрезина, которая «гонит под урановой дугой». Небытие оказывается вновь в очень близкой перспективе, на расстоянии вытянутой руки, готовой сломать вещь, но так и не ломающей никогда окончательно.

Возможно, менее трансгрессивна, но не менее показательна в контексте современной уральской поэзии поэтика Е. Симоновой, чьи тексты в принципе отличаются повышенной метафоричностью. Животные, растения, явления природы часто теряют здесь свое денотативное значение, вплетаясь в общий поэтический рисунок в качестве ассоциативных элементов. Так, на выходе получаются своеобразные барочные эмблемы, которыми затканы пространства стихов-гобеленов (установка на стилизацию под Средневековье в книге «Время»):

с кружев замертво падают
птицы, летящие налегке,
падают, разбиваясь вдребезги
об лед,
серый, как рыба, выгнувшаяся
во льду
с открытым ртом,
крошечным пузырьком
последнего воздуха в этом
чумном году...

[Симонова, 2012, с. 13]

Тексты Е. Симоновой нередко представляют собой разворачивающиеся, но так и не развернутые до конца метафоры, которые в финале венчает лаконичная и полная символического значения деталь:

под рукой камень становится теплым
дерево мягче точно глубокий шепот
все меняется но не вокруг а в тебе.
и ты улыбаешься во сне.

[Симонова, 2011, с. 26]

Мифологический протеизм Е. Симоновой отличается от деконструктивистского протеизма А. Петрушкина именно созидательной функциональностью, что в некотором роде опровергает тезис о тотальности жесткого деконструктивизма в творчестве современных уральских поэтов. По сути, второй стратегии — как в ее деконструктивистском изводе, так и в мифологическом — придерживаются В. Балабан, Р. Комадей, М. Чешева, Е. Баянгулова, Н. Александрова и другие «младшие» авторы.

Однако было бы неправильно сводить творчество «младших» только к тем практикам, которые они восприняли от «старших» или — через их головы — от метареалистов и поэтов сложных ассоциативных рядов. Достаточно

непроясненным на сегодняшний день является вопрос о влиянии концептуализма и опыта русского авангарда на поэтов Урала. Вспомним: Ры Никонова позиционировала «уктусскую школу» как «второе пришествие концептуализма на грешную российскую землю» [Никонова-Таршис, с. 222]. Интересной исследовательской проблемой является воздействие «уктусской школы» и авангардистских течений на эстетику и поэтику Сандро Мокши. Целый ряд «младших» поэтов не имеет смысла воспринимать в отрыве от экспериментальных практик футуризма, обэриутов, сюрреалистов (если говорить не только о русской поэтической традиции), лианозовцев, концептуалистов «третьей волны» и постконцептуалистов: тексты Я. Грантса, А. Ильенкова, Т. Трофимова, В. Семенцула, А. Быкова, В. Корневой, Е. Вотиной, М. Кротовой, А. Александрова, Г. Звездина, И. Еремина и др.

Поэтика трансформаций и метаморфоз в творчестве «младших», ориентированных на отчетливо авангардистские практики, как правило, детерминирует, сводит к минимуму любые другие художественные элементы. Трансформации здесь нередко приобретают декларативный характер:

вчера у тебя на спине выросла лампочка
и не темно теперь — ходи и радуйся...

[Корнева, с. 84]

Абсурдизм в подобной картине мира восходит к постмодернистской концепции хаоса и меняет свою функциональность: со знака «минус» на знак «плюс». Абсурд не требует преодоления, как у Ю. Казарина или даже у В. Кальпиди: он принципиально замкнут сам на себе.

За городом бы жить
летать бы над рекой
сложить бы этажи
в рюкзак одной рукой
одной ногой на том
другой ногой потом
простыть и умереть
под тоненьким зонтом.

[Кротова, с. 95]

Отстраняющая ирония определяет выбор художественных средств и характер деконструктивистской активности поэтов. Деконструкция направлена не только на любое более-менее целостное восприятие действительности, но и на язык, словообразование, грамматику, синтаксис. См. почти хармсовское:

Дети маленькое зло
С козьими глазами
Зубы точат о весло
Лица козырями
По казармам сахарят
Животы с носами

Дети маленьких ребят
Кормят волосами
Подрезая небосвод
Кучерявым пальцем
Дети руки рвут в живот
Загибая пальцы.

[Семенцул, с. 124–125]

Можно констатировать безусловно разноплановый характер трансформаций в рамках подобной поэтики: образно-сюжетный, авторско-субъектный и сугубо языковой. Кроме того, если авторы, работающие в рамках ассоциативной поэтики, даже деконструируя материальность, выстраивали цепочки метаморфоз, то авангардистски ориентированные поэты отказались от самой идеи последовательности, которая делала возможным существование цепочек, и претворили в жизнь не столько поэтику трансформаций, сколько поэтику разрывов, пропастей, зияющих нулевой семантикой:

Пронзительный смешок мешка трамвая
Отдернул лица в мартовскую слякоть.
В итоге: пусть мы разучились плакать,
От жен вставая,
По-прежнему игрушки отбираем
У младшей группы...

[Трофимов, с. 123]

В этом отношении потенциальное количество метаморфоз и трансформаций в стихотворениях молодых авторов существенно возросло, однако их функциональность поменяла значение: концепция изменчивой константности бытия, свойственная мифологическому мышлению, уступила место константной изменчивости и отсутствию любых структур, кроме случайно и потому необязательно взаимосвязанных элементов.

Впрочем, действительно жестких авангардистов даже среди молодых авторов не наблюдается, скорее, поэтам свойственны колебания: от поэтики трансформаций к поэтике разрывов и в обратную сторону. Более того, в регионе существенна и реакция на трансгрессивность и метареализма, и концептуализма в виде возвращения к практикам доавангардистского письма: А. Вавилов, А. Кудряков, Д. Колчин, К. Комаров, А. Костарев и др., что, помимо прочего, актуализирует еще один поэтический слой, во многом обделенный вниманием из-за некоего промежуточного положения в литературном процессе между «старшими» и «младшими» с его предпочтительным реализмом (его представители — О. Дозморов, Д. Рябоконь, Е. Тиновская и другие авторы сборника «Дорогой огород», 1999).

Без сомнения, процессы, происходящие в поэзии региона, четко соотносятся с общероссийскими процессами и ни в коей мере не являются уникальными, однако их локализованность и локальность существенна и имеет основания складываться в традиции. Такой традицией в свете сказанного мог бы стать «уральский магический реализм», построенный на энергии трансформаций

и метаморфозах разного порядка. Не случайно в одном из интервью А. Санников охарактеризовал современную уральскую поэзию следующим образом: «Энергия и странности — вот две характеристики уральской поэзии. Такой бешеный сюрреализм!» [Небо Санникова]. Проблема существования «уральского магического реализма», потенциально связывающего поколения современных уральских поэтов, заключается лишь в отсутствии принципиально уральских элементов в поэзии региона.

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в истории русской культуры и литературы XX века. Пермь, 2008. [Abashev V. V. Perm' kak tekst. Perm' v istorii russkoj kul'tury i literatury XX veka. Perm', 2008.]

Антология современной уральской поэзии. Круглый стол: Дмитрий Кузьмин. Данила Давыдов. Дмитрий Пригов. Андрей Вознесенский. Richard Mckane. Daniel Weissbort [Электронный ресурс] // Уральская новь. 2004. № 18. URL: http://magazines.russ.ru:81/urnov/2004/18/ant16.html (дата обращения: 28.09.2014). [Antologija sovremennoj ural'skoj pojezii. Kruglyj stol: Dmitrij Kuz'min. Danila Davydov. Dmitrij Prigov. Andrej Voznesenskij. Richard Mckane. Daniel Weissbort [Electronic resource] // Ural'skaja nov'. 2004. № 18. URL: http://magazines.russ.ru:81/urnov/2004/18/ant16.html (accessed: 28.09.2014).]

Грантс Я. Бумень. Кажницы. Номага. Челябинск, 2012. [Grants Ja. Bumen'. Kazhnicy. Nomaga. Cheljabinsk, 2012.]

Давыдов Д. Послесловие. Творчество Е. Туренко: поиск субъекта, поиск метода... // Туренко Е. В. Собр. соч. : в 2 т. Челябинск, 2012. Т. 2. С. 5–22. [Davydov D. Posleslovie. Tvorchestvo E. Turenko: poisk sub'ekta, poisk metoda... // Turenko E. V. Sobr. soch. : v 2 t. Cheljabinsk, 2012. T. 2. S. 5–22.]

Загидуллина М. Застывшее бегство, или Философия соляного столпа... // Туренко Е. В. Собр. соч. : в 2 т. Челябинск, 2012. Т. 1. С. 244–252. [Zagidullina M. Zastyvshee begstvo, ili Filosofija soljanogo stolpa... // Turenko E. V. Sobr. soch. : v 2 t. Cheljabinsk, 2012. T. 1. S. 244–252.]

Иванов В. В. Метаморфозы [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com/enc_myth/Metamorfoz-2388 (дата обращения: 28.09.2014). [Ivanov V. V. Metamorfozy [Electronic resource]. URL: http://enc-dic.com/enc_myth/Metamorfoz-2388 (accessed: 28.09.2014).]

Изварина Е. Снег нарисует птицу [Электронный ресурс]. URL: http://seredina-mira.narod.ru/izvarina2014.html (дата обращения: 28.09.2014). [Izvarina E. Sneg narisuet pticu [Electronic resource]. URL: http://seredina-mira.narod.ru/izvarina2014.html (accessed: 28.09.2014).]

Казарин Ю. Колодезный лед. Стихи [Электронный ресурс] // Знамя. 2001. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2001/2/kazar.html (дата обращения: 28.09.2014). [Kazarin Ju. Kolodeznyj led. Stihi [Electronic resource] // Znamja. 2001. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2001/2/kazar.html (accessed: 28.09.2014).]

Кальпиди В. Пласты. Свердловск, 1990. [Kal'pidi V. Plasty. Sverdlovsk, 1990.]

Кальпиди В. Хакер. Челябинск, 2001. [Kal'pidi V. Haker. Cheljabinsk, 2001.]

Корнева В. [Стихотворения] // Екатеринбург 20:30 : антология. СПб., 2013. С. 84–88. [Korneva V. [Stihotvorenija] // Ekaterinburg 20:30 : antologija. SPb., 2013. S. 84–88.]

Кротова М. [Стихотворения] // Екатеринбург 20:30 : антология. СПб., 2013. С. 94–96. [Krotova M. [Stihotvorenija] // Ekaterinburg 20:30 : antologija. SPb., 2013. S. 94–96.]

Небо Санникова. Уральская поэзия — это бешеный сюрреализм // АиФ–Челябинск. 2014. 10 сент. [Nebo Sannikova. Ural'skaja pojezija — jeto beshenyj sjurrealizm // AiF–Cheljabinsk. 2014. 10 sent.]

Никонова-Таршис А. Ры. «Уктусская школа» // Новое лит. обозрение. 1995. № 16. С. 221–238. [Nikonova-Tarshis A. Ry. «Uktusskaja shkola» // Novoe lit. obozrenie. 1995. № 16. S. 221–238.]

Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2707/МЕТАМОРФОЗА (дата обращения: 28.09.2014). [Novaja

filosofskaja jenciklopedija : v 4 t. M., 2001 [Electronic resource]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2707/METAMORFOZA (accessed: 28.09.2014).]

Петрушкин А. ОТИДО. Черновики 2011–2013. Кыштым, 2013. [Petrushkin A. OTIDO. Chernoviki 2011–2013. Kyshtym, 2013.]

Сальников А. Дневник снеговика. Нью-Йорк, 2013. [Sal'nikov A. Dnevnik snegovika. N'ju-Jork, 2013.]

Санников А. Стихи [Электронный ресурс] // Урал. 2002. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/ural/2002/7/san.html (дата обращения: 28.09.2014). [Sannikov A. Stihi [Electronic resource] // Ural. 2002. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/ural/2002/7/san.html (accessed: 28.09.2014).]

Семенцул В. [Стихотворения] // Екатеринбург 20:30 : антология. СПб., 2013. С. 122–125. [Semencul V. [Stihotvorenija] // Ekaterinburg 20:30 : antologija. SPb., 2013. S. 122–125.]

Сидякина А. А. Маргиналы. Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы. Челябинск, 2004. [Sidjakina A. A. Marginaly. Ural'skij andegraund: zhivye lica pogibshej literatury. Cheljabinsk, 2004.]

Симонова Е. Сад со льдом. М., 2011. [Simonova E. Sad so l'dom. M., 2011.]

Симонова Е. Время. Нью-Йорк, 2012. [Simonova E. Vremja. N'ju-Jork, 2012.]

Трофимов Т. «Мне внове — богом. Зябко на душе...» Екатеринбург, 2012. [Trofimov T. «Mne vnove — bogom. Zjabko na dushe...» Ekaterinburg, 2012.]

Уральская школа поэзии: взгляд из Москвы. Беседа с Д. Давыдовым (ноябрь 2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.litural.ru/izumrud/s-davydovym (дата обращения: 28.09.2014). [Ural'skaja shkola pojezii: vzgljad iz Moskvy. Beseda s D. Davydovym (nojabr' 2012 g.) [Electronic resource]. URL: http://www.litural.ru/izumrud/s-davydovym (accessed: 28.09.2014).]

Эпштейн М. М. Проективный словарь философии. Новые понятия и термины. № 19. Философия искусства и культуры — метареализм, метабола и ризома [Электронный ресурс]. URL: http://www.topos.ru/article/2553 (дата обращения: 28.09.2014). [Jepshtejn M. M. Proektivnyj slovar' filosofii. Novye ponjatija i terminy. № 19. Filosofija iskusstva i kul'tury — metarealizm, metabola i rizoma [Electronic resource]. URL: http://www.topos.ru/article/2553 (accessed: 28.09.2014).]

«Язык наш свободен» [Электронный ресурс] / М. Амелин, Б. Екимов, О. Ермаков, В. Кальпиди, С. Кекова, И. Клех, В. Отрошенко, О. Павлов, А. Цветков // Знамя. 2006. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2006/12/ia9.html (дата обращения: 28.09.2014). [«Jazyk nash svoboden» [Electronic resource] / M. Amelin, B. Ekimov, O. Ermakov, V. Kal'pidi, S. Kekova, I. Kleh, V. Otroshenko, O. Pavlov, A. Cvetkov // Znamja. 2006. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2006/12/ia9.html (accessed: 28.09.2014).]

Статья поступила в редакцию 23.06.2015 г.